

Мужчина в Кожаном пальто

Куаряшов Григорий

18+

Григорий Кудряшов

Мужчина в Кожанном Пальто

«Автор»

2026

Кудряшов Г. Д.

Мужчина в Кожанном Пальто / Г. Д. Кудряшов — «Автор», 2026

Лето 1940 года. Сен-Реми-дю-Валь — крошечный нормандский городок, где жизнь течёт в ритме яблоневых садов и утренних газет. Сюда каждую неделю приезжает Жан-Пьер с газетами. Здесь все знают друг друга, а война кажется чем-то далёким. Однажды утром городок занимают немцы. Новый комендант — Роланд фон Готтберг в чёрном кожаном пальто — с улыбкой объявляет себя градоначальником и обещает «порядок». Но за вежливыми речами и починкой фонтанов скрывается холодная жестокость. Четыре еврейские семьи исчезают за одну ночь. Люсьен, молодой подмастерье, пытается расследовать пропажу, но в мэрии его уже ждут. Что произошло с исчезнувшими евреями? Кому можно верить, когда оккупанты дарят свет и хлеб, а своих же расстреливают на площади за протест? Готтберг умеет улыбаться и держать пистолет. Он уже знает, что у него в ящике лежит открытка с пальмами и билет в Аргентину. А у Люсьена — только гильза на полу пустого дома и разбитые очки, которые он не может забыть.

© Кудряшов Г. Д., 2026

© Автор, 2026

Григорий Кудряшов

Мужчина в Кожанном Пальто

Мужчина в кожаном пальто

Глава 1. Запах яблок и типографской краски

Городок Сен-Реми-дю-Валь лежал в неглубокой долине, среди пологих холмов Нормандии, и со стороны казался не поселением, а скорее прихотью пейзажа — настолько естественно его каменные дома, крытые потемневшей черепицей, вращались в землю, а узкие улочки повторяли изгибы местности, словно русла пересохших ручьёв. Жители называли его просто «долиной», а иногда и вовсе обходились без названия, потому что в радиусе трёх часов пути на велосипеде не было другого городка, с которым можно было бы его спутать.

Летом воздух здесь пах яблоками. Запах этот не был навязчивым, он не бил в нос, а скорее просачивался в лёгкие вместе с тёплым ветром, приходившим с юго-запада, и оставался в памяти у каждого, кто хоть раз проезжал через Сен-Реми в июне. Яблоневые сады начинались сразу за последними домами, поднимались по склонам холмов и уходили к горизонту ровными рядами, как армия старых, узловатых деревьев, согнувшихся под тяжестью собственной тени. В этих садах работала добрая половина городка, и даже те, кто никогда не держал в руках садовых ножниц, всё равно просыпались утром от того, что в открытое окно влетала пчела, опьяневшая от цветения.

Городок был невелик: три продольные улицы, пересечённые четырьмя поперечными, — итого двенадцать перекрёстков, из которых по-настоящему оживлённым был только один, тот, что возле церкви Святого Ремигия. Церковь эта, сложенная из серого камня ещё в те времена, когда норманнские герцоги спорили с французскими королями, стояла в самом центре, и её шпиль, похожий на заточенный карандаш, был виден с любой точки долины. Вокруг церкви теснились лавки: булочная, мясная, аптека, шорная мастерская, маленькое кафе с двумя столиками на улице и лавка старьевщика, которая закрывалась так редко, что казалась скорее мебелью, чем заведением.

Чуть дальше, через площадь с фонтаном, из которого уже лет пятнадцать не текла вода, стояло здание мэрии — массивное, трёхэтажное, с узкими окнами и балконом, выходившим на площадь. Над балконом с незапамятных времён висел французский флаг, выцветший до такой степени, что синий цвет стал почти серым, а красный — бледно-розовым. Его меняли раз в год, перед Днём взятия Бастилии, и делал это старик Жозеф, который заведовал мэрией уже тридцать лет, но умел завязывать верёвку так, чтобы флаг не запутался при подъёме.

В июне сорокового года Сен-Реми-дю-Валь жил своей обычной, размеренной жизнью, которая мало зависела от того, что происходило в Париже или Берлине. Война, начавшаяся осенью, докатилась до этих мест лишь отголосками: сначала мобилизация забрала с собой двадцать семь мужчин, потом стали приходить письма с фронта, а потом — и похорожки. Но городок был мал, и даже эти потери он переживал так, как переживает ливень каменная стена: впитывал, темнел, но не разрушался. Люди продолжали печь хлеб, доить коров, собирать яблоки и спорить о цене на сидр в кафе у Пьера.

Каждый понедельник, ровно в восемь утра, на восточной окраине городка появлялся мальчишка на велосипеде.

Его звали Жан-Пьер Моро, ему было четырнадцать лет, и он был сыном владельца типографии в соседнем, более крупном городке — Бомон-сюр-Орн, что в двадцати километрах к востоку. Каждую неделю, в любую погоду, он садился на старенький велосипед с поцарапанной рамой и прикрученной сзади плетёной корзиной, наполненной газетами, и ехал по просё-

лочной дороге через холмы, чтобы к восьми часам быть у церкви. Его появление было чем-то вроде негласного сигнала: в городке начинался новый день.

Жан-Пьер был худым, жилистым пареньком с коротко стриженными каштановыми волосами и вечно облупленным носом. Летом он ездил в одной рубашке с закатанными рукавами, зимой — в вязаном свитере, который был ему велик на два размера. Он никогда не слезал с велосипеда, пока не добирался до площади, а там, прислонив его к фонарному столбу, разворачивал связку газет и начинал раздавать их тем, кто уже собрался вокруг. Газеты были пахнущие типографской краской, тёплые, если лето, и холодные, если зима, и этот запах — смесь бумаги, краски и дорожной пыли — был так же привычен жителям, как запах яблок по утрам.

В то утро, в понедельник двадцать четвёртого июня, Жан-Пьер выехал из Бомона, как всегда, в семь часов. Солнце уже поднялось над холмами и заливало дорогу мягким, золотистым светом, в котором даже камни казались тёплыми. Он крутил педали по накатанной колее, объезжая выбоины, и думал о том, что в этот раз газет привезли с задержкой и что заголовки на первой полосе — он успел прочитать, пока грузил связку в корзину, — были какие-то странные. «ПАРИЖ ОТКРЫТ ДЛЯ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК», — было написано крупными буквами, и от этих слов у мальчишки неприятно холодело в груди. Он не понимал, как такое возможно — Париж, который он видел всего один раз в жизни, когда отец брал его на выставку, город, который был для него воплощением всего огромного и непобедимого, вдруг «открыт». Открыт для кого? Зачем?

Но он отгонял эти мысли. Он знал, что в Сен-Реми его ждут. Там его встречали одни и те же лица: мадам Трюфо, которая всегда покупала две газеты — одну для себя, другую для больной сестры; месье Леклер, который, получив газету, садился на скамейку у фонтана и читал её, шевеля губами; старик Огюст, который утверждал, что новости — это всего лишь сплетни, но всё равно каждый понедельник брал номер, чтобы потом ругаться на правительство. И ещё десяток человек, чьи имена он не всегда помнил, но лица знал наизусть.

Жан-Пьер въехал в Сен-Реми-дю-Валь, когда колокола церкви Святого Ремигия только начинали отбивать восемь. Он проехал мимо последних яблоневых садов, мимо старой водонапорной башни, с которой в любое время года капала вода, и свернул на главную улицу. Улица была пуста. Это его удивило: обычно в это время уже открывались ставни лавок, а у булочной выстраивалась очередь. Сегодня же городок казался вымершим.

Он доехал до площади и остановился у фонтана. Прислонил велосипед к каменному бортику, развязал верёвку, стягивавшую газеты, и огляделся. На балконе мэрии не было никого, хотя обычно по понедельникам там вывешивали объявление о заседании муниципального совета. Флаг висел на месте, обвисший, безжизненный.

Жан-Пьер взял первую газету и встряхнул её, чтобы разгладить. На первой полосе снова бросались в глаза крупные буквы: «ГЕРМАНИЯ ОДЕРЖАЛА ПОЛНУЮ ПОБЕДУ. ФРАНЦИЯ КАПИТУЛИРОВАЛА». Ниже — снимок немецких солдат, марширующих по Елисейским полям, и подпись: «Триумф рейха». Мальчик замер.

— Эй, Жан-Пьер! — раздался голос сбоку.

Он обернулся и увидел мадам Трюфо, которая быстрым шагом шла через площадь, придерживая шляпку. За ней, отставая на несколько шагов, семенил месье Леклер в неизменном сером пиджаке.

— Что там? — спросила мадам Трюфо, подойдя и протягивая руку. — Давай скорее, у меня сестра ждёт.

Жан-Пьер молча протянул ей газету. Мадам Трюфо нацепила очки, взглянула на заголовок и побледнела.

— Боже мой... — прошептала она. — Не может быть.

— Что? Что там? — Месье Леклер, запыхавшись, подошёл и тоже взял номер. Он читал быстро, и по мере чтения лицо его вытягивалось, а губы начинали дрожать.

— Капитуляция... — произнёс он. — Они подписали капитуляцию.

На площадь начали выходить люди. Они шли от булочной, от кафе, из переулков, и у каждого в руках уже была газета, купленная у Жан-Пьера за несколько минут до этого. Новость распространялась по городку, как запах гари, — мгновенно и беспощадно.

— Капитуляция! — крикнул кто-то, и это слово повисло в воздухе, тяжёлое, как предгрозовая туча.

Жан-Пьер стоял у своего велосипеда, прижимая к груди оставшиеся газеты. Люди подходили, брали, расплачивались, но смотрели не на него, а куда-то вглубь себя, в ту пустоту, которая образуется, когда рушится что-то большое, невидимое, но важное. Старик Огюст, получив газету, не стал ругаться. Он просто сложил её вчетверо, сунул в карман и пошёл прочь, опустив голову.

Когда последняя газета из первой связки перешла в руки старика Огюста, Жан-Пьер вытер пот со лба и огляделся. Он искал её глазами — как делал каждое утро уже почти полгода.

Элоиза стояла у входа в булочную мадам Бонне. На ней был простой синий передник поверх платья, а рыжие волосы были стянуты на затылке в небольшой пучок, из которого вечно выбивались непослушные пряди. Она держала в руках поднос с ещё тёплыми круассанами и улыбалась — не ему, а всем прохожим, но Жан-Пьер знал, что эта улыбка предназначена ему.

По крайней мере, ему хотелось в это верить.

Он сделал вид, что поправляет корзину на велосипеде, а сам украдкой смотрел на неё. Элоиза, заметив его взгляд, чуть приподняла поднос и шевельнула бровями, будто спрашивая: «Будешь?»

Жан-Пьер отрицательно мотнул головой — он уже позавтракал дома, но сердце его ёкнуло.

— Привет, — сказал он, подходя ближе, когда покупатели немного рассосались.

— Привет, газетчик, — ответила она. — Сегодня рано.

— Дорога была хорошая.

Он хотел сказать что-то ещё, но слова застряли в горле. Элоиза смотрела на него с лёгкой насмешкой, как будто знала что-то, чего он не знал.

— Ты опять забыл, что хотел сказать, — констатировала она.

Он покраснел.

— Я... нет. Всё помню. Просто...

— Просто? — Она прищурилась.

— Просто у тебя мука на носу, — выпалил он.

Элоиза провела рукой по лицу, потом взглянула на пальцы и рассмеялась.

— Вечно ты всё замечаешь, кроме самого главного, — сказала она и, прежде чем он успел спросить, что это значит, скрылась в булочной, оставив его стоять с открытым ртом.

Через полчаса на площади собралось почти всё взрослое население городка. Люди стояли группами, тихо переговаривались, и в этом гуле не было паники, не было отчаяния — было оцепенение. Казалось, все они разом поняли, что война, которая до сих пор была где-то далеко, вдруг подошла вплотную, и теперь от неё не спрятаться за яблоневыми садами и каменными стенами.

А потом на восточной окраине, там, откуда обычно появлялся Жан-Пьер, послышался низкий, нарастающий гул.

Сначала его приняли за отдалённый гром, хотя небо было ясным. Потом гул стал отчётливее, и в нём можно было различить рокот моторов — не тархтение стареньких грузовиков, не стрекот велосипедов, а ровный, мощный, металлический звук, от которого вибрировал воздух.

Люди на площади обернулись. Жан-Пьер, вскочив на велосипед, проехал немного вперёд, чтобы лучше видеть.

С холма, по той самой дороге, по которой он ехал каждую неделю, спускался конвой.

Четыре мотоцикла с колясками, покрашенные в серый цвет, ехали медленно, по двое в ряд. За ними, блистая свежей краской и полированным хромом, катил чёрный автомобиль — «Мерседес», такой длинный и мощный, что он казался не машиной, а хищником, выползшим на дорогу из какого-то кошмара. Мотоциклисты были в серой униформе, в касках, низко надвинутых на лоб, и на боку у каждого висело оружие. Они ехали молча, глядя прямо перед собой, и от этого молчания становилось ещё страшнее.

Конвой миновал последние дома, проехал мимо булочной, мимо аптеки, мимо церкви и остановился перед зданием мэрии.

Моторы смолкли один за другим. Наступила тишина — такая глухая и плотная, что было слышно, как на балконе мэрии скрипнула старая верёвка флага.

Жан-Пьер стоял у фонтана, вцепившись в руль велосипеда, и не мог отвести глаз от этой сцены. Он видел, как мотоциклисты слезли со своих машин, поправили каски, одёрнули кители. Один из них, высокий, с нашивками на рукаве, достал из коляски стопку газет и, развернувшись, оглядел собравшуюся толпу.

— Господа! — крикнул он по-немецки, и голос его прозвучал резко, как удар хлыста. — Свежие новости! Читайте! Читайте и знайте: отныне вы под защитой великой Германии!

Он швырнул первую газету в толпу, и та, развернувшись в воздухе, упала к ногам мадам Трюфо. За ней последовала вторая, третья, четвёртая. Люди невольно отшатывались, но потом тянули руки, поднимали листы, разглядывали.

На первой полосе — огромный заголовок:

«ТРИУМФ ГЕРМАНИИ!»

Ниже — фотография немецкого солдата, водружающего флаг над Эйфелевой башней, и подпись: «Париж пал за семь дней».

В толпе кто-то ахнул. Кто-то заплакал. Кто-то, наоборот, засмеялся нервным, лающим смехом.

А в это время задняя дверца «Мерседеса» медленно открылась.

Из машины вышел мужчина.

Он был высок, строен, одет в чёрное кожаное пальто, которое блестело на солнце, как вороново крыло. На голове у него была серая фуражка с чёрным козырьком, а над козырьком — маленький серебряный череп, тускло поблёскивающий в утреннем свете. Черты лица его были острыми, точно вырезанными из камня: высокие скулы, прямой нос, тонкие губы, сжатые в некое подобие вежливой улыбки. Глаза его, светло-голубые, почти бесцветные, смотрели поверх толпы, как будто он оценивал не отдельных людей, а всю панораму городка разом. На левой щеке у него был шрам — тонкий, аккуратный, практически ювелирный, от скулы до уголка рта, и этот шрам придавал его лицу выражение странной, пугающей утончённости.

На шее у него висел Железный крест с белой окантовкой, и этот крест, казалось, не был просто наградой — он был символом, неотъемлемой частью образа, как и кожаное пальто, как и фуражка с черепом.

Мужчина сделал несколько шагов от машины, остановился у края площади и медленно, словно давая толпе возможность рассмотреть себя, обвёл взглядом собравшихся. Его улыбка стала чуть шире, но глаза оставались холодными.

Позади него, с водительского сиденья, вылез солдат. Он был в такой же серой униформе, что и мотоциклисты, но отличался от них кожаными перчатками и автоматом МР 40, который висел у него на груди. Лицо его было каменным, без единой эмоции. Он поправил автомат, одёрнул китель и, обойдя машину, встал по правую руку от человека в чёрном пальто.

Мужчина едва заметно кивнул, и солдат, не говоря ни слова, направился к дверям мэрии.

Толпа расступалась перед ним, как вода перед носом лодки. Он прошёл через площадь, поднялся на крыльцо и скрылся за дверью.

Прошло пятнадцать минут.

Тишина сгустилась до предела. Люди стояли не шевелясь, боясь даже переговариваться. Только слышно было, как где-то за холмом залаяла собака и как в кронах яблонь шумел ветер.

Потом дверь мэрии снова открылась.

На пороге появился нынешний градоначальник Сен-Реми-дю-Валя, месье Арман Рено, пожилой, лысеющий человек с дрожащими руками и вечно испуганным выражением лица. Но сейчас этот страх был уже не просто выражением — он был физическим, он пронизывал всё его тело, он заставлял его ноги подгибаться, а руки — цепляться за дверной косяк.

Сзади него шёл солдат. Он держал автомат одной рукой, а другой — толкал Рено в спину, короткими, резкими тычками.

— Иди, — говорил он по-немецки. — Иди, не останавливаясь.

Рено спотыкался, едва не падал, но шёл. Солдат вывел его на середину площади, к фонтану, и толкнул так, что тот упал на колени.

После чего солдат повернулся к толпе и, всё так же не меняя выражения лица, произнёс на ломаном французском:

— Жители города, прошу внимания. Сейчас перед вами выступит комендант Роланд фон Готтберг.

Слово «комендант» прозвучало чужеродно, тяжело, как камень, брошенный в пруд. Люди переглянулись. Никто не знал, что оно означает, но звучало оно внушительно.

И вот он вышел.

Роланд фон Готтберг ступил на площадь, и каждый шаг его отдавался в тишине, как удар метронома. Он подошёл к фонтану, остановился рядом с коленопреклонённым Рено, но не взглянул на него. Он смотрел на толпу.

На вид ему было лет сорок пять. Высокий, подтянутый, с той особой выправкой, которая выдаёт в человеке либо военного, либо того, кто долго и упорно играет роль военного. Его чёрное пальто распахнулось, открывая серый китель с серебряными пуговицами и нашивками. На левом рукаве — красная повязка с чёрной свастикой в белом круге, на воротнике — молнии СС.

Он снял фуражку, обнажив светлые, гладко зачёсанные назад волосы, и несколько секунд держал её в руке, глядя на городок с той же лёгкой, почти дружелюбной улыбкой.

Потом заговорил. И голос его — глубокий, ровный, с той особой музыкальностью, которая выдаёт человека, привыкшего к публичным выступлениям, — прозвучал на чистом, почти безупречном французском:

— Дамы и господа, добрый день. Хочу всех вас поприветствовать и познакомиться с вами.

Он сделал паузу, обвёл взглядом лица — старые, молодые, испуганные, настороженные, безразличные.

— Меня зовут Роланд фон Готтберг. Отныне я ваш новый градоначальник.

Толпа молчала.

— Теперь, когда Франция капитулировала, — продолжал он, — вы стали почётными гражданами Третьего рейха. Вы можете этим гордиться. Теперь все мы с вами — строители нашего идеального будущего. Будущего под знамёнами великой страны и великой нации.

Он снова улыбнулся, и в этой улыбке было что-то такое, от чего у мадам Трюфо подогнулись колени. В ней не было ни тепла, ни злобы — только уверенность. Уверенность, которая не допускала возражений.

В толпе послышался ропот. Кто-то захлопал — неуверенно, робко, словно пробуя ладонями воздух. За ним ещё один, ещё двое. Аплодисменты нарастали, но были они жидкими, испуганными, как дождь, который начинается, но ещё не решил, будет ли он сильным.

Лишь несколько человек не хлопали. Это были ветераны прошлой войны — старики, прошедшие Верден и Сомму, знавшие цену словам о «великой нации». Они стояли молча, сжав губы, и смотрели на Готтберга с той особой, тяжёлой ненавистью, которая рождается только из опыта. Но их было меньшинство. Меньшинство, к которому никто не прислушался, да и сами они не дали повода, оставив своё мнение при себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.